

поклоненія священной Каабѣ. Бедуины, Феранской долины (недалеко отъ Синая), только-что прїѣхавшіе изъ Акабы, города стоящаго на границѣ Собственной и Каменистой Аравіи, описывали болѣзнь, поражающую паломниковъ по гнѣву пророка, такъ ясно, что уже и тогда для насъ не оставалось никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о холерѣ, хотя въ Египтѣ о ней еще не говорили вовсе. Отдыхая въ синайскомъ монастырѣ, мы получили отъ одного путешественника такое обстоятельное описаніе болѣзни, встрѣченной имъ среди каравановъ паломниковъ у развалинъ Петры, что сомнѣваться было нельзя, что джино-туси арабовъ не что иное, какъ *cholera asiatica*. Теперь же, пройдя Акабу и столкнувшись на пути хаджей со страшною эпидеміею, я тотчасъ созналъ свое полное безсиліе въ борьбѣ съ такимъ ужаснымъ врагомъ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, я первый изъ европейцевъ увидѣлъ воочию и окрестилъ ея собственнымъ именемъ ту эпидемію, которой въ 1881 году было суждено напугать всю Европу, всполошить весь образованный міръ... Страшный бичъ человечества почему-то остановился въ этомъ году; онъ не проникъ даже черезъ пустыни Каменистой Аравіи въ Египетъ, а остановился гдѣ-то, на границахъ ли пустыни съ Египтомъ, или въ самой дельтѣ благословеннаго Нила, чтобы черезъ два года выступить снова на борьбу съ человекомъ съ удесатерившеюся силою. Тысячи, а, можетъ быть, и десятки тысячъ жертвъ, нажатыхъ уже холерою въ Египтѣ въ послѣднее время, служатъ ужаснымъ *memento mori* человечеству, за ту неряшливость и пренебреженіе къ гигиеническимъ мѣропріятіямъ, которыхъ оно не хочетъ и знать, ослѣпленное житейскою суетою...

Новые стоны и страшныя корчи страдальца перервали мои размышленія; я поборолъ свои колебанія и бросился къ больному. Быстро содравъ я съ него излишніе, спутывающіе покровы и далъ волю судорожнымъ сгибаніямъ конечностей... Я прикоснулся къ рукѣ умирающаго—она была холодна, какъ ледъ; посвиѣлая, сморщенная, въ мелкія складки отлупливающаяся кожа едва обтягивала кости, которыя были видны такъ же хорошо, какъ на скелетѣ; пульса не было слышно, живая бѣжала уже отъ «дыханія злого духа», и приближалась роковая развязка...

— Хауэнъ-ааллѣйна-я-рабба! (Помилуй насъ, Господи), — вопили вокругъ стоявшіе арабы, подымая руки къ небу. А небо было такъ высоко и чисто, и обито такимъ прекраснымъ мерцаніемъ звѣздъ, какъ будто на землѣ не было мученій...

Я влилъ согрѣтой воды и вина въ запекшіяся ротъ стра-